

Россия. - 2002. - 14 февр. - с. 24-25

Как Майя Плисецкая превратилась в домработницу

Александра Ивченко

Георгий Параджанов окончил ВГИК, режиссерский факультет, мастерская Наумова. Снимает кино, завоевал специальный приз Венецианского фестиваля за фильм «Я — чайка» о странно-трагической судьбе актрисы Валентины Караваевой...

Единственный человек в России, работающий в жанре объемного коллажа и не скрывающий, что идет по следам своего великого предка Сергея Параджанова. Многие пытались работать «под Параджанова», но ничего не получалось. Сергей Иосифович однажды сказал: «Смешон будет тот, кто повторит меня...» Но, видно, это не коснулось племянника.

— Ты видел многих великих женщин. Кто из них тебе показался наиболее парадоксальной личностью?

— Ты знаешь, твой вопрос — замечательный. Скажу тебе честно, я встречал — не знаю как великих, но знаменитых женщин.

— Слава их не была заслужена?

— Понимаешь, в чем дело... Я не могу сказать, что я дружил с Лилей Брик, но у меня были с нею замечательные отношения.

— Ну, не правда, не правда! Я знаю, что у вас с нею был платонический роман!

— Мне было 17 лет, я был юный, кучерявый и глупый... И был похож на юного Д'Артаньяна из Армянского театра драмы — с усами, взбитыми волосами, чтобы создать «пену»: жидкие были волосы... Я познакомился с Лилей Юрьевной...

— А как ты с ней познакомился?

— Очень просто. Я приехал в Москву, когда дядя сидел в тюрьме, и покойная моя тетя Рузанна (дядина сестра), общавшаяся с Лилей Юрьевной, которая очень много делала для освобождения Сергея Иосифовича — очень много! — сказала, что приехал племянник Сергея из Тбилиси. «Ну что же, пусть придет к нам на обед!» Тогда еще был жив Василий Абагарович Катанян, муж Лили Юрьевны. Меня пригласили на обед и...

— Ты волновался в предвкушении встречи с Великой музой?

— Нет, я же говорю — я был глуп, кучеряв и юн. Я не волновался. Потому что люди волнуются, когда понимают, куда они идут. Я ничего не понимал. Я не понимал, что я иду к Лиле Брик, любовнице Маяковского, и поэтому мне было абсолютно все равно — идти к Лиле Брик или к курдянке Зайтин, которая подметала нам улицу...

И вот я пришел туда. Дом на Кутузовском проспекте, над магазином «Сантехника». Лили Брик меня встретила... Безумной красоты женщина. Ей было за 80 лет, у нее была огромная рыжая коса до крестца, очень красивые синие глаза — очень вьедливые, они напоминали мне такой рентген. Безумной красоты длинные руки... Она была в таком ржавого цвета платье — от Ив Сен-Лорана. На пальцах у нее два бриллианта — они назывались «Рем» и «Ромул», по девять каратов каждый... И мне показывали подносы XVIII века, петровского вре-

мени, мне показывали коллекцию масленок, мне показывали рисунки Шагала, Тышлера, Пикассо — все было замечательно. Это был светский вечер, и Лили Брик думала, что если я — племянник Параджанова, то я должен все знать... И я делал очень большие глаза: «Да-да-да, да-да-да...» — и рассматривал папки. Но меня поймали на том, что я слюнявил пальцы и переворачивал листки. Для меня это был большой позор. Ну, понимаешь, армянский мальчик, который ничего не видел, кроме своего великого дяди и сумасшедшей бабушки, которая, кстати, и оказалась самой великой женщиной... Но ладно, об этом — позже.

— Итак, пока Лили Брик...

— И с Лилей Юрьевной мы сели обедать. И был суп из спаржи — представляешь, в то время!!! 77-й год!!! Какая тогда спаржа?!

— Да, действительно, кстати, интересно: а как у нее очутилась спаржа? Где она здесь ее нашла?

— Ну как где? Они покупали все это в «Березке»... Ты забываешь, что Лили Брик была родной сестрой Эльзы Триоле, которая была замужем за Луи Арагоном... Так что, простите, они могли все, что угодно, покупать себе в «Березке»... Мы стали обедать, все было очень красиво... А потом мне сказали: «Вы какой будете кушать бифштекс: зажаренный или недожаренный? С кровью?» И я ничего не понял и спросил: «А какой нужно?» И тогда мне дали тот, который был зажаренный... Потому что Лили Юрьевна вздохнула и сказала: «Дайте кавказский!» То есть подразумевалось — зажаренный... (Смеется.)

— Да, однако, какой такт...

— Потом Лили Юрьевна сделала замечательную вещь. Она сказала мне: «Вы не прогуляйтесь со мною? (Понижает голос, шепотом.) Пойдемте, погуляем...» Василий Абагарович пошел в это время в издательство... А мы пошли гулять по Кутузовскому про-

спекту. У нее были потрясающие, безумно эротичные лакированные ботинки, такие — а-ля «Кот в сапогах»... Учитывайте: ей в то время было 87 лет! Лакированные, черные, на высоком каблучке! (Говорит с придыханием.) У нее была тонкая нога... То, что это порода, — я уже понимал: все-таки Восток, восточный мальчик, и кроме толстой мамы я еще мог что-то воспринять в этой жизни... На ней была огромная норковая шуба до пола — голубая норка. Была зима, уже была оттепель, но еще чуть-чуть кое-где был снег, и я ее чуть-чуть очень нежно поддерживал, и вдруг она остановилась и сказала (в голосе Параджанова начинает звучать истома): «Гарик! Вы лучше, чем палочка...» Потом мы поднялись к ней домой, и вот тут (клянусь, я говорю сейчас абсолютную правду!) она сказала: «Давайте поцелуемся!»

— Ой...

— И она меня поцеловала три раза в губы... Очень нежно. Сказала (шепотом): «Васи-

нет! Давайте поцелуемся...»

Этого я никогда не забуду. А по поводу фразы о палочке я все понял позже: оказывается, она забыла дома трость и ее поддерживал.

— Ну и как, ты был от происхождения в шоке?

— Я же тебе говорю: понимаю, я был глупый и дурной... А потом мы стали пить чай. С какими-то прелестными (опять-таки из «Березки») тарталетками, крендельками... Я ведь — кроме сациви, и чахохбили, и чихартмы, и по праздникам запеченного коровьего языка — ничего не видел в жизни... А тут какие-то кренделя, суп из спаржи... И Брежнев, и 87 лет, и застой... Ну, что-то потрясающее. Она мне купила сигареты «Мальборо» — блок целый, все было очень красиво... И вдруг — телефонный звонок. Она плохо слышала, и у нее был очень интересный аппарат, к которому прикладывалась вторая трубка, на второе ухо... И тут она говорит: «Ив! Ив! Bonjour!» и долго разговаривает... Потом отвлекается на секунду на меня и объясняет: «Это — Ив Сен-Лоран!» И тут же объясняет ему: «У меня в гостях племянник Параджанова». И в ответ мне переводит: «Ив спрашивает: ты — педераст или нет?» На что я замешкался, а Лили весело отвечает за меня: «Нет, Ив, я уже знаю — нет...» И тогда трубку попросил Ив Сен-Лоран и что-то начал мне говорить. На французском языке. Лили Юрьевна сначала пыталась мне что-то перевести, а потом несколько умялась и просто сказала: «Оставь мальчика в покое!» И мы повесили трубку. И потом у нас с ней началась...

— Платоническая любовь?

— Нет. Интересная очень история. Она мне сказала: «Пойдемте на кухню». На подоконнике росли фиалки. В горшке.

— Какие-то особые?

— Нет. Нормальные фиолетовые фиалки. И она мне сказала: «Вы знаете, я эти фиалки специально выращиваю... Когда я посылаю письма Сергею Иосифовичу, то на каждом письме, в уголке, когда фиалка падает, я прикрепляю цветок...» «Знаете, — сказала мне Лили Юрьевна, — Вася меня так ревнует к этим фиалкам, что специально открывает зимой форточку — чтобы они простудились и умерли!»

— Какая необычная ревность...

— Да... Я уехал в Тбилиси. И у нас с ней началась замечательная переписка.

— А о чем она тебе писала?

— Она писала какие-то очень откровенные вещи, как надо выстоять в этой жизни, как надо бороться, чтобы не предавать себя... Потом приехал дядя из тюрьмы. И Лили Юрьевна все ждала, что вот-вот он придет к ней. А он — все не приезжал. Он боялся. Он оттягивал эту встречу. И решил послать в Москву меня. Я приезжаю с огромным целлофановым пакетом зелени: тархун, петрушка, кинза, рейхан, цимба, лук, укроп... И в коробке — огромные дагестанские серьги. Я приезжаю к ней. Я говорю: «Вот, дядя вам прислал пакет...» и все такое... И тут она напряженно спрашивает: «А где письмо?!» Я растерянно не понимаю: «Какое письмо?» — «От Сергея?!» — и я говорю (тихо): «А письма — нет...» И для нее это была — трагедия... она была в ужасе!

Вот такая история у меня была с Лилей Юрьевной. А мимоходом я видел очень много известных женщин, которые проходили через наш дом...

— Они все проходили через дом дяди?

— Конечно. Другого дома просто не было. Мимолетные проезды Плисецкой, Франсуазы Саган...

— Расскажи, пожалуйста, о Саган... Ты тоже тогда был молодым и глупым? Книжки ее читал?

— Уже не совсем. Мне было тогда лет 27-28... Но книжек ее не читал. Я просто знал, что она — писательница. Я видел такую высохшую женщину, которая предложила почему-то дяде тут же познакомиться кокаин...

— Который, я надеюсь, привезла с собой?

— Да. В маленькой такой золотой коробочке... Табакерке. На что дядя сказал: «Вы знаете, я не очень люблю это дело — не понимаю. Но я вам могу сейчас помочь составить компанию...» И позвал всех курдов района, которые эту табакерку «высосали» за одну секунду.

Да-а... А там у Франсуазы было примерно на год. Всех запасов... И Саган подарила дяде и мне четыре галстука не первой свежести, и на этом все было закончено. Она уехала.

— Она не обиделась на курдов района?

— Нет... Она была шокирована.

— А что ты помнишь о Плисецкой?

— Майя Михайловна приезжала с «Кармен-скитой» в

Параджанов Георгий

Тбилиси, и это был 82-й или 83-й год... Мне уже было 22.

– Ты уже понимал, кто такая Майя Михайловна?

— Ты понимаешь, в чем дело... Я тебе скажу одну вещь. Через наш дом проходило такое количество знаменитых людей, что любое явление было обыденным. Это было все равно, что встретить дворняжку на улице... Утром — Володя Высоцкий, вечером — Ален Гинсбург, днем — Марчелло Мاستрояни, ночью — Тарковский, Васильев, Максимова...

— То есть ко всему потихоньку становишься равнодушен...

– Нет, это просто ощущается как нечто само собой разумеющееся. В перерывах приходили курды, барыги, продавщики зелени, спекулянты, и все было замечательно. И все почему-то сидели за одним столом.

– Но вернемся к Плисецкой...

– Пришел Алик Плисецкий, брат Майи Михайловны, и сказал: «После «Кармен-сюиты» Майя хотела бы к вам заехать...» И вот 10 часов – Майи нет, 11 часов – Майи нет... А дядя решил сделать для Майи Михайловны сюрприз. Он накрыл стол, все было красиво, и как кульминация – дядя запер в комнате, в которую должна была зайти Майя, курда Юру безумной красоты (этот безумной красоты курд снимался в «Ашик-Керибе»)... Итак, он его запер для того, чтобы, когда вошла бы Плисецкая, сказать: «Майя Михайловна! Я вам дарю вот это чудо!» Но когда Майя Михайловна наконец приехала, он был очень расстроен, потому что курд к тому времени съел весь виноград и заснул.

— Ну и что такое гений, когда он — вне сцены?

– Ну, конечно, было видно, что это большая личность... Но, зная, я сейчас скажу тебе, и пусть никто не обижается... Все те, кто ходил к нам домой, перед Сергеем Иосифовичем, перед личностью Параджанова, хотя Сергей всех превозносил, держал, поддерживал и из всех делал идолов, все они

Сеган – хорошо, Майя Михайловна – хорошо, но, наверное, именно бабушка сыграла и в моей жизни самую огромную роль. И я ей благодарен. А даже дядя писал мне из тюрьмы, когда я призвался ему в том, что хочу стать артистом: «К сожалению, главного Академика Сеган уже нет...» Сеган – так звали бабушку. Понимаете – главного Академика, который мог бы мне все это преподавать.

— Расскажи, что это была за личность?

– Например, моя бабушка была категорически против, чтобы моя мать выходила замуж. Категорически была против! Она даже паспорт своей дочери спрятала в тюфяк, на котором спала.

— Боже мой, неужели она хотела, чтобы дочь осталась старой девой?

— Не знаю... И Сиран, и Иосиф унесли в могилу тайну, почему они хотели, чтобы моя мать, которая была красавицей — маленькая, полная, но безумной красоты, похожая на Дину Дурбин, осталась бы незамужней... Фарфоровое личико, зеленые глаза... Наконец, моя мама тайно выкрала паспорт и вышла замуж за парикмахера Жору, который работал в будке редакции газеты «Заря Востока»... Папа был красавец, высокого роста, метр девяносто... В доме, естественно, сразу же был объявлен траур. Бабушка распарала себе лицо ногтями, распустила волосы, надела на себя терное платье... Мама кричала: «Посмотрите на себя! Мы стали маленькие, квадратные, как кубики! А Жора хоть какую-то струю внесет в нашу семью!» И... бабушка была вынуждена уступить свою кровать, свою постель молодоженам. И три дня и три ночи прислушивалась, что происходит в кровати молодых. И три дня и три ночи выражение бабушкиного лица ежесекундно менялось в зависимости от того, как скрипит кровать. И на третий день, когда Жора наконец проголодался и мама на трясущихся ногах разогрела ему язык, бабушка влетела, схватила окровавленную

Но больше всего она всю жизнь ревновала его... к картине. У нас была дома огромная картина — «Мария Магдалина читает труды Христа после его смерти», с обнаженной грудью, в пещере... И дедушка каждый вечер садился подле нее в трусах, огромных, ситцевых, и сидел и смотрел на эту картину, а бабушка гладила. И потом громко и раздраженно шлепая утюг на гладильную доску, говорила: «Иосиф! Ну что?! Неужели я хуже, чем она?!»

— А еще?

— А еще моя бабушка...
брилась.

— Как это?

— Очень просто. Бабушка вставала утром, брала бритву, станок, мазала себе пеной щеки и брилась. А потом свежевыбритая бабушка, надутая одеколоном, садилась на балкон, брала дедушкин парусиновый туфель и зубной щеткой и зубным порошком чистила его. Потом опускала большой палец в гуталин и проводила вокруг рант. Выходил дедушка. Целовал свежевыбритую бабушку в лоб, надевал эти туфли и уходил, оставляя на земле такие белые отпечатки... А вечером? Вечером жара, лето, Тбилиси, во дворе — фронтанчик. Приезжал дедушка, в чесучовом костюме,

в одной руке держа огромную дыню, в другой – огромный арбуз, и прямо в одежде залезал в этот фонтанчик. И бабушка во весь двор, чтобы все слышали, кричала: «И-и-осиф!!! Деньги прожалея! Пожалея деньги!!!» А из карманов дедушки стайками выплывали купюры... И вечерами бабушка уютюгом опять гладила эти деньги...

ломорско-Балтийского канала...» (А он – в то время – там в тюрьме сидел, начальником питания был. Посадили его за спекуляцию и за содержание борделя под названием «Семейный уголочек...») И бабушка кричала: «Иосиф! Встань! Встань! Открой глаза!» И тихонечко говорила моему папе: «Жора! Встань вперед! Боря, уйди на задний план!» И дядя Боря, муж тети Рузанны, начинал тихонько возмущаться: «Сирануш, почему я должен уйти на задний план?» И бабушка отвечала: «Уйди на задний план! Ты – в очках! Я не хочу, чтобы соседи сказали, что у моей дочери муж с дефектом!» и выталкивала моего папу вперед... А потом, когда на другой день уже несли гроб, то бабушка все тревожилась и говорила моему папе: «Жора! Не забудь орден Ленина снять! Не забудь! И неси так, чтобы покойник не испортился, но про орден – не забудь...» Вот такие семейные истории...

– Боже, какая непотопляемая женщина...

— Да, милая, а ты говоришь — Лиля Брик... Бабушка Сирани была, в общем-то, величайшей актрисой, величайшей... Все остальное — это смешно.

Фото из архива
Г. Параджанова